

Наталья Лихина
(Калининград)

ИРОНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ТВОРЧЕСТВА В. ПЬЕЦУХА

Выявляются условия реализации такой важнейшей черты творческого метода В. Пьецуха, как ирония. Показывается, что эта ирония направлена у него на основные черты русской идентичности – историю России и русский национальный характер. Цель иронии в этих условиях – прикрываясь юмором, сказать о недостатках, чтобы затем найти силы для их преодоления в каждом мгновении настоящего.

Ключевые слова: литературоведение, постмодернизм, В. Пьецух, реминисценции, ирония, текст, авторское начало, история, русский национальный характер.

Природу прозы В. Пьецуха условно можно обозначить понятиями «новая волна», «другая проза», хотя сам писатель определяет свое творчество как «иронический реализм». В этой связи он пишет: «В общем-то, я традиционалист, может быть, то, что я делаю, – это иронический реализм? Не знаю. Моя матушка, когда хотела похвалить какой-нибудь фильм, всегда говорила: жизненное кино. Думаю, что я – жизненный писатель» [7].

Известно, что ирония может проявляться как рефлексивно, на бессознательном уровне, так и осмысленно, целенаправленно. Насмешка, усмешка, разрушение серьезности – основополагающие принципы этой художественной категории.

Несомненно, каждому автору, придерживающемуся иронического типа письма, присущи свои принципы организации текста, особая

манера использования иронических приемов, но всех их объединяет представление об иронии как взгляде с высоты свободы, покоя и объективности, не связанного никаким морализаторством.

При всем этом В. Пьецух ставит своей целью не изображение реального мира и социального конфликта в нем, а передачу впечатлений, субъективное восприятие окружающего мира. Цель иронии В. Пьецуха — показать отсутствие серьезности и какого-либо особого смысла в онтологической парадигме, будь то человеческое бытие или мироздание вообще. В этой связи в его творчестве возникает и особый мировоззренческий дуализм: вера и ирония, разрушающая эту веру, сосуществуют в его творчестве неразрывно. В этом плане творчество писателя вписывается в мировой контекст: «Взаимодействие комического и трагического, возвышенного и обыденного присуще особому сознанию романтической иронии. Это сознание не отрицает высших ценностей, но подвергает мучительному сомнению самую возможность их реализации» [2, с. 69].

Иронический дискурс в произведениях В. Пьецуха реализуется на разных уровнях. Так, большая часть его текстов обращена к драматизму российской истории и проблеме русского национального характера. Национальная история всегда была объектом его пристального внимания. При этом основное качество художественного метода В. Пьецуха — раскрытие парадоксальности как исторического действия или события, так и повседневного бытия человека. Парадоксален у него и образ России («Россия как девиантная страна»): возникая в его творческом сознании, он оказывается эстетически приниженным, что проявляется прежде всего в специфике принципа иронии и собственно в приеме пародии, используемых при описании российской истории.

Предметом иронического осмеяния В. Пьецух делает в первую очередь такие события национальной истории, которые ранее были в каком-то смысле официально табуированы. Критики обвиняют В. Пьецуха в обращении к истории, а точнее, обращении с историей с чрезмерной вольностью, фамильярностью, ерничеством, а также в том, что он проповедует «кухонное», для домашнего употребления использование фактов, событий, персоналий: «В. Пьецух очень часто и с явным удовольствием пишет в своей книге о русских дураках, но если и впредь он будет мыслить на уровне «Русской темы», то равных ему среди дураков в России не будет» [5].

Действительно, внешне писатель находится в абсолютно свободном плавании по истории, совершенно произвольно обращаясь с устоявшимися историческими фактами и их интерпретациями. Однако

на самом деле это попытка освобождения общественного сознания от идеологического шлама, мусора, своеобразное «выпрямление» истории, «исказившей свой лик» под воздействием ложных идей, хотя писатель, может быть, нарочито избирательно выявляет такие факты и обстоятельства, которые играют лишь на его концепцию, предлагая вариант своеобразных «выбранных мест из переписки с Клио».

Следует отметить особый характер историзма в творческом мышлении писателя. Известно, что научный тип историзма формирует представление об истории в ее причинно-следственной связи, следуя принципу строгости отбора исторических фактов и корректности их интерпретации. Историзм же В. Пьецуха — это своеобразный вариант философских установок Ф. Ницше: «Ничто не причина, никакой закон не царит», то есть особая концепция историзма — «вопреки». Ее сущность определяется как стихийность, фатализм, «непредсказуемое прошлое» (по Дж. Оруэллу), которое, если не знать или обращаться с ним слишком вольно, отомстит в будущем. И если эту концепцию принять, снимается вопрос об исторической истине — об аутентичности самой истории как таковой.

Реакция на такую установку в художественном творчестве достаточно предсказуема:

История в такой концепции релятивна, патологична, она рождается из культурных мифов и травестирующих эти мифы анекдотов. В произведениях этих авторов мир истории уже сделан — герой лишь вступает в него, подчиняясь логике игры в историю, логике демифологизирующего воспроизводства мифологий и культур (М. Липовецкий о В. Пьецухе и В. Ерофееве) [4, с. 257].

Но действительно ли это так важно — постоянно искать в истории уроки? Официальная история наполнена героикой действий и героикой персоналий. Войны, восстания, национально-освободительные движения, энтузиазм масс, сам народ в этой парадигме — двигатели истории, ее созидающе-преобразующие силы. И с этой точки зрения история предстает как континуальный, непрерывный процесс, в котором каждая предыдущая причина рождает свое следствие в будущем.

А что у Пьецуха? — Он придает истории иные парадигмальные очертания. Почему бы не начать все с чистого листа, рассуждает писатель, если у нас не героическая, а трагическая, нелепая, часто безалаберная история. Во всяком случае он считает важным вынести приговор русской истории — поставить ей правильный диагноз:

Непредсказуема реакция народа на кручение и изломы истории и власти: то безмолвствовал народ под игом изуверов и дураков, покорно снося самые дикие надругательства, то вдруг по сравнительно пустячному поводу ударялся в такой бунт, бессмысленный и беспощадный, что половина страны лежала в развалинах, словно Мамай прошел. Московское восстание 1612 года, вызвавшее гражданскую войну, хозяйственную разруху и страшный мор, случилось из-за того, что царь Лжедмитрий I не спал после обеда, потому настроил против себя ортодоксально настроенных горожан... Предвидеть ближайшее будущее России невозможно. Как ни раскидывай бобы, все вырисовываются фигуры, подозрительно смахивающие на кукиш, а все потому, что русская жизнь чревата неожиданностями и развивается она не по законам гегелевской диалектики, но некоторым образом вопреки ей. И несет ее от вчера в сегодня, как пьяного домой, зигзагами. Изумлять весь мир не перестаем: хитросплетение безалаберности и чувства долга, беспричинная жестокость и детское добродушие, низменные позывы и космическая высота духа, бессребреничество и жуликоватость, изысканность мысли и стоптанные каблуки. Миссия эта, конечно, неблагодарна, но каждому свое: у голландцев — тюльпаны, у американцев — сокровища. А у нас чертово назначение: беспокоить мировое сообщество на тот счет, что эволюция человека вовсе не пресеклась [8].

Вот эта точка зрения В. Пьецуха на русскую историю и подвергается деструкции со стороны литературоведов и критиков. Но есть у него и единомышленники, поддерживающие его взгляд на историю. Например, совершенно определенно об этом пишет Лев Аннинский:

Сугубо русская проблематика, с которой в свое время и вошел в литературу этот дерзкий прозаик, лишена у Пьецуха всякого намека на квасной патриотизм или почвенное самодовольство. Судьба России окрашена тревогой, которую приходится прикрывать юмором [1].

Русский национальный характер как предмет исследования в творчестве В. Пьецуха тоже подвергается серьезным парадигмальным преобразованиям, если не сказать — деструкции. Так, своеобразна его общая интерпретация, в соответствии с которой он абсолютно непредсказуем.

Культурный русак весь соткан из молекул коренного противоречия. Самое интересное, что этот русак нимало не персонаж, не продукт писательского воображения, а существо, реально бытующее в пространстве между Неманом и Татарским проливом, которое наводит на разные размышления [6, с. 3].

Русский человек, с его бесконечным пьянством, безалаберностью, немотивированным поведением, презрением к «посюсторонней» жизни («неукорененностью в бытии», как писал в свое время И. Бунин) и вместе с тем с его философски смиренным отношением к жизни, кротостью и терпеливостью, становится у В. Пьецуха объектом неиссякаемой иронии. Таким путем осуществляется некое разрушение традиционных представлений о русской национальной идее, народном сознании, национальном характере. «И вот в моем сознании, — пишет В. Пьецух о себе, — разверзлась следующая мысль, энергическая, как вопль: отчего мы такие бедные, неопрятные, беспутные, позаброшенные?» [11, с. 3]. И этот вопрос имеет в его творчестве программный характер.

Ирония, направленная на русский национальный характер и историческую судьбу русских, имеет у В. Пьецуха парадоксальный характер. Писатель убежден в том, что миссия русского народа заключается лишь в том, чтобы изумлять Запад своим безрассудством и беспутством. Наиболее интересны в этом плане рассказы из книги «Государственное Дитя» («Мужчины вышли покурить», «Шкаф». «Студент прохладных вод», «Мужик, собака и Страшный суд»). Эта ирония была подмечена многими критиками. Так, А. Етоев по этому поводу пишет:

Парадоксальность нашего бытия — вот тема, бесконечно варьируемая писателем от вещи к вещи. И по мастерству и изяществу, с которыми эта тема обыгрывается, равных В. Пьецуху, пожалуй, что и не сыщешь [3].

Е. Сидоров относительно художественного метода В. Пьецуха сказал:

...как-то исподволь, не отказываясь от беллетристики (повестей и рассказов), он нашел свой жанр и стал в нем мастером, артистом, ни на кого не похожим. Он выработал литературное поведение, опираясь на классическую стезю русского писательства, взыскующего правды о своем народе и говорящего эту добытую правду ему в лицо. Причем делая это весело и горько, с юмором и печалью, с той мерой стилистического озорства, которая не шокирует и не портит общей, весьма серьезной картины [13].

В этом плане особенно показателен рассказ «Левая сторона», который отражает свет и тени в русском народном характере. На протяжении определенного времени складывался устойчивый миф о том, что в русском человеке духовное начало превалирует над рациональным. Название рассказа «Левая сторона» предполагает такую композиционную антиномию. Если есть левая сторона, значит, существует и правая:

...на правой стороне [села Покровское] жили выходцы из Сибири, вроде бы даже отдаленные потомки польских сепаратистов, причастных к мятежу 1830 года, заборы здесь глядят прочно, как свежее войско, ворота у мужиков тесовые, наличники все фигурные, сельхозтехника покоится под окнами такая ухоженная, что любо-дорого посмотреть. Не то левая сторона... нестроение и разор [10, с. 62].

Но неожиданно эти оценки «плюс» и «минус» меняются местами. Основа рассказа — незамысловатый сюжет о том, как поминали деревенского мужика Ивана Измайлова, умершего в прошлом году от жестокого перепоя, его друзья-собутыльники, какие чудеса инженерного искусства они предприняли, чтобы извлечь из земли приваренный к рельсу и закопанный под яблонькой бидон с самогоном. Да, на левой стороне села Покровское живет пьянь и рвань, «но характерное обстоятельство: на правой стороне и живут дольше, и собирают без малого канадские урожаи, а между тем левая сторона дала России одного лирического поэта и одного видного изобретателя, который замучил одиннадцать министерств» [10, с. 73].

С одной стороны, писатель разрушает миф о русском народе-богоносце, носителе имманентной нравственной чистоты, об амбивалентном русском человеке по концепции Н. Бердяева, В. Розанова, И. Бунина. Но с другой стороны, В. Пьецух, казалось бы, создает новый миф о русских. Пусть мы ленивые, неопрятные и не совсем трезвые, зато у нас есть духовность, великая литература, «и в области балета мы впереди планеты всей». А чистенький и сытенький Запад озабочен только предпринимательством, приобретательством, накоплением материальных ценностей.

Так ли это? Не тешим ли мы себя очередной иллюзией, размышляет писатель.

Идеи исключительности русского народа и его мессианства, особого исторического пути России уже давно становились объектом серьезной философской критики или пародирования в творчестве иронически настроенных мыслителей и писателей России (начиная от Чаадаева и заканчивая, например, Васисуалием Лоханкиным или стариком Ромуальдычем у И. Ильфа и Е. Петрова).

По мысли Я. Шенкмана, народ в системе В. Пьецуха есть условный, собирательный образ, составленный на основе литературных реминисценций, знания русской истории, личного опыта горожанина, перебирающегося на лето в деревню, зоркой наблюдательности за характерами, повадками и устной речью людей при полном отсутствии фальшивого народолюбия [14].

Особое место в этом плане в творчестве В. Пьецуха занимает повесть «Заколдованная страна» [9]. Формы и виды иронии в этом тексте особенно разнообразны. Так, иронический эффект достигается посредством абсурдизации жизни, то есть включения в пространство текста огромного количества нелепых и неправдоподобных ситуаций и коллизий. Автор создает фантазмагорию, растущую из серого российского быта и безумной российской истории. Узнаваемы и литературные источники, к которым В. Пьецух обращается: А.К. Толстой «История государства Российского» как ироническое переложение Н.М. Карамзина («История государства Российского от Рюриковичей до наших дней»). Повесть В. Пьецуха в этом аспекте является своего рода «двойной калькой», организованной по принципу «отрицания отрицания».

В повести «Заколдованная страна» есть два плана повествования — исторический и современный, которые взаимно пересекаются, взаимодействуют и вместе с тем взаимоотталкиваются.

Герой повести, обычный московский рефлексирующий интеллигент, имеет в приятельницах двух старушек, живущих в необычайных ветхости и запустении. В бывшем, давно забытом прошлом это «смолянки хороших кровей и благородного воспитания», ныне, в печальной современности, это «божьи одуванчики», беспомощные и беззащитные перед ударами судьбы и персонифицированным ликом материализовавшегося зла.

Первый план повествования в «Заколдованной стране» включает диалоги о прошлом и настоящем, исторические и литературные реминисценции, в которых реализована тоска о былом и несбывшемся. Причем героини, носители концепта идеализированного прошлого — как оказывается впоследствии, у них беспомощность и неспособность к жизни являются всего лишь маской — становятся при столкновении с настоящим гораздо более трезвыми и здравомыслящими («премудрые пескари»), нежели герой, вписанный в парадигму современности («карась-идеалист»).

Ужасное настоящее в «Заколдованной стране» персонифицировалось в образе соседа-алкоголика (того самого «грядущего хама»), который периодически ломится с топором в дверь коммунальной квартиры.

Характерно, что историческое прошлое корреспондирует у В. Пьецуха с настоящим в координатах коммуналки, которая вообще имеет особое смысловое наполнение: это символ ложного объединения людей, псевдособорности и коммунистической идеи, иронически воспринимаемая писателем модель абсурдно реализовавшейся социаль-

ной и религиозной мечты. Интеллигентские прекраснотушные мечтания и явь в образе алкоголика с топором — трансформация идеи амбивалентности понятия «иконы и топора». С одной стороны, бесконечное совершенствование духа, с другой — бунт, «бессмысленный и беспощадный».

Своеобразие исторического мышления писателя заключается не просто в нигилизме, ерничестве, злой насмешке «обманутого сына над промотавшимся отцом». Важную роль в этих условиях играет создание исторического парадокса: не потому у нас такая гнусная действительность, что мы заплутали в историческом пошлом, — это гнусность настоящего, проецируясь на историю, искажает ее лик. Неудачная история есть, по В. Пьецуху, результат никчемности современности. Причины и следствия у него просто меняются местами. Или выражается совсем не парадоксальная мысль о том, что история творится в каждом мгновении настоящего.

Эстетический нигилизм у В. Пьецуха проявляется в отчетливо реминисцентном характере его прозы, что часто выражено в несколько ерническом отношении к классической литературе и ее концепциям. Например, литературный предшественник героя «Заколдованной страны» — Илья Ильич Обломов². Как и в романе И. А. Гончарова, в поэтике романа становится ключевым образ дивана. «Диван розовый в полоску» в квартире приятеля становится символом тщетности усилий изменить свою судьбу, знаком «русского человека на randеву» и в целом благих намерений, которыми вымощена дорога в ад.

Носителем иронического сознания в «Заколдованной стране» является сам герой В. Пьецуха. В этой связи автор представляет его едким, желчным насмешником, но чаще делает предметом осмеяния — представляет в невыгодном свете, в комической ситуации. Все это, по сути, издевательства над бессмысленной реальностью и человеком в ней. Отсюда и парадоксальные, нелепые концовки его рассказов («Студент Прохладных Вод», «Клюев и Оперманн», «Мужчины вышли покурить», «Левая сторона» и т. д.).

Очень часто в своих произведениях В. Пьецух прибегает к ироническому контрасту: например, в рассказе «Человек в углу» виртуозной словесной игрой-импровизацией является стилизация письма Татьяны

² Где-то просматривается и Васисуалий Лоханкин из «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова, живущий на содержании жены Варвары, а потом и ее нового мужа, инженера Птибурдукова, который в своих размышлениях о роли русской интеллигенции в судьбах мировой цивилизации требует перманентных благ для себя лично.

Лариной. При этом важно учитывать, кто и кому пишет: оба героя рассказа (ведунья Маевская и Валентин Эрастович Целиковский) — ничтожные человеческие существа, осмеянию подвергаются их нелепые чувства и поступки, а также то, как они сами о них говорят. Ср.:

Вот пишу вам письмо... куда уж дальше, что уж тут скажешь, кроме того, что теперь вы меня можете презирать. Но если вам меня хоть капельку жалко, прочитайте, пожалуйста, до конца.

Сначала я хотела молчать, и вы никогда бы не узнали моего стыда, если бы у меня была возможность видеть вас хоть через день.

И зачем только нелегкая вас принесла к нам на Татарки, так бы я жила себе поживала, не зная сердечной муки. Но уж, знать, на то не наша воля, от судьбы не уйдешь, недаром вы мне снились еще до того, как пришли ко мне за советом. А как вы вошли в дом, так я вас сразу узнала, что вы мой суженый, и прямо вся вспыхнула от любви. Но только что из всего этого получится, счастье или грех, уж вы, пожалуйста, разрешите мои сомнения. Может быть, все пустое.

Только знайте, что с того самого дня вы моя единственная надежда и отрада, родственник человек, и, кроме вас, меня не поймет в городе ни одна живая душа. Короче говоря: да или нет.

Ну вот и все. Даже перечитать страшно. Стыдоба, конечно, только и надежды, что вы сознательный человек [12, с. 97].

Ответ героя также стилизован в духе онегинской отповеди Татьяне.

Все это было бы смешно, если бы не было так горько. Смеясь над героями, нелепыми, не знающими себе меры, не обладающими никакой истиной ни о мире, ни о себе, и используя для осмеяния традиционные литературные штампы, писатель делает это тонко, иронично, сохраняя при этом и долю сострадания к ним. В этом проявляется нигилизм В. Пьецуха, но не по отношению к Пушкину или другим скрыто цитируемым русским классикам. Его ирония направлена на ту реальность, с которой он сталкивается и которая, собственно, подвигает на творчество.

Список литературы

1. Аннинский Л. Мнение литературных критиков о творчестве В. Пьецуха. URL: <http://fantlab.ru> ; autor 2289 (дата обращения: 15.11.2013).
2. Гинзбург Л. В поисках реальности. Л., 1987.
3. Етоев А. А ты научил грамоте эфиопа, товарищ литературный критик? Заметки о литературных войнах и писателе Вячеславе Пьецухе. Июнь 1998. URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/191090/> (дата обращения: 12.12.2013).

4. Липовецкий М. Русский постмодернизм. Екатеринбург, 1997.
5. Павлов Ю. Критика XX–XXI вв. : литературные портреты, статьи, рецензии. «Русская тема» В. Пьецуха : сборник мерзких анекдотов. URL: http://www.rummuseum.ru/lib_p/ravlovum17.php (дата обращения: 22.12.2013).
6. Пьецух В. Русская тема // Дружба народов. №7.
7. Пьецух В. Русская тема. О нашей жизни и литературе. URL: http://modernlib.ru/books/pesuh_vyacheslav_alekseevich/russkaya_tema_o_nashey_zhizni_i_literature/read_1/ (дата обращения: 22.12.2013).
8. Пьецух В. Гадание на бобах // Литературная газета. 1994. 21 апр.
9. Пьецух В. Заколдованная страна // Знамя. 1992. №2.
10. Пьецух В. Левая сторона // Государственное Дитя. М., 1997.
11. Пьецух В. Способность к неспособности, или Сумасшествие как выход из положения // Культура. 1995. 8 апр.
12. Пьецух В. Человек в углу // Государственное Дитя. М., 1997.
13. Сидоров Е. Рассуждение о писателе В. Пьецухе. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/6/si12.html> (дата обращения: 12.12.2013).
14. Шенкман Я. Добро должно быть с прибабахом // Новый мир. 2006. №12.

Natalya Likhina

THE IRONIC DISCOURSE IN THE WORKS OF V. PYETSUKH

The article identifies the conditions of the realisation of such crucial feature of V. Pyetuskh's creative method as irony. It is shown that his irony is aimed at the key elements of the Russian identity – the history of Russia and the Russian national character. In this conditions, irony aims to emphasise weaknesses under the guise of humour in order to gather strength to overcome them in every moment of the present.

Key words: *literary studies, postmodernism, V. Pyetsukh, reminiscences, irony, text, author's impact, history, Russian national character.*